

ЧЕРДАК ДЛЯ ДИКТАТОРА

Войдя в кабинет своего друга, я даже опешил. Седые фрагменты на голове Володи были настолько неуместными, что представлялись не до конца смытыми клочками пены. Да и во всём его облике чувствовалось напряжение, характерное для человека, которого застали врасплох.

Это был прежний Вовка, но озорные выплески в глазах пробивались как бы натужно, преодолевая свинцовую усталость, что таилась в руках, во всём его облике.

В нашей дружбе не было места банальностям, и этим мы особо дорожили. Но сейчас, как бы предупреждая готовую сорваться мою стандартную фразу, Володя машинально произнёс:

— А что ты хотел? Года, однако!

Старясь отвести его от этого скользкого направления мыслей, которое привело бы нашу встречу к известному тупику, я кивнул в сторону дипломов и благодарностей, что заполняли почти всю противоположную стену его кабинета:

— С таким багажом люди не на пенсию собираются, а думают о перспективах!

Однако Володя даже не повернулся в сторону многочисленных свидетельств его заслуг и как-то криво улыбнулся:

— И ты, видать, сплетен наслушался по поводу моего мнимого повышения. Но не бывать этому! Этот кабинет и есть мой последний олимп...

За прошедшие десятилетия нашей дружбы я вполне осознавал, что в его словах не наблюдалось игривости — она была глубоко чужда этому трудяге и правдолюбцу.

Чувствовалось, что при всей своей публичности Володя ждал того момента, когда можно было бы с кем-нибудь поделиться. Я хорошо знал, что под внешней невозмутимой ироничностью прячется большой клубок сомнений, который периодически накатывает, лишая моего друга не только позитивного настроения, но часто и сна.

— Ну, по поводу наград — мы, конечно, победнее, однако тоже имеется, — с этими словами я вытащил из сумки книгу и сразу начал подписывать.

Только сейчас у меня вдруг прорезался тот текст, который максимально подходил Володе: «Успешно соединяющему историю с современностью, украшая её...»

Володя, прищурившись, смерил меня и поставил на стол начатую бутылку коньяка:

— По такому поводу, как говорится...

Я знал, что он принципиально избегает алкоголя, тем более на рабочем месте, но в его несколько искусственной улыбке просвечивал невольный ответ: «Я другой — почему не замечаешь?»

— А я забыл, что у вас теперь демократия, не то что у нас!

— Да, я знаю твой скепсис по поводу нашего Майдана, но зато мы себя почувствовали свободными. Мне, как человеку, имеющему дело с уникальными артефактами прошлого, это хорошо заметно.

— Странная у вас всё же демократия...

Но я понял, что продолжать не стоит. Зажав двумя руками рюмку, Володя начал говорить и я сразу понял, что нельзя перебивать, иначе этот тоненький ручеек откровенности может иссякнуть.

— Ты, очевидно, слишком серьёзно относишься к этим мутным интернетовским потокам, если намекаешь на моё потенциальное директорство.

— Ну а кому, как не тебе? И без всех этих сетей понятно, что соперничество всегда будет усиливаться по мере того, как поднимаешься. Я полагаю, что эту банальную истину ты уже испытал на себе, коль скоро занимаешь солидный кабинет.

— Видишь ли, мой философский друг, как ни странно, ситуация была более определённой при жизни шефа. Однако его внезапная гибель оказалась катастрофой для многих.

— Неужели имеются факты о том, что автомобильная авария была подстроена?

— Директор, конечно, был фигурой неоднозначной и вызывал у многих раздражение своим профессионализмом и активностью...

— Да, ты знаешь, я еле тебя нашёл, потому что не знал, что вы сумели и это шикарное здание себе отхватить, присоединив к основному корпусу галереи.

— Конечно, это его заслуга! А кому бы удалось такой лакомый кусок отбить у бизнесменов?! Но дело не только в этом.

Володя замолчал и показал на потолок. Я не понял: то ли он намекал на очень больших людей, то ли предупреждал меня о возможном прослушивании.

Я решил ему помочь и после тягучей паузы заговорил первым:

— Я догадываюсь, Володя, что твоя научно-исследовательская деятельность многих раздражает, особенно за границей. Ведь твой альбом, в котором собраны дворцы всей Западной Украины, — это не просто сенсация.

— Ты прав, эта моя книга наделала много шума и чуть не привела к международному скандалу. Дело в том, что она, по сути, была резким и конкретным ответом на соответствующее польское издание, где они умудрились значительную часть наших исторических памятников себе приписать. Я тебе подарю мою выстраданную монографию, и сам убедишься, как обходятся с нашим отечественным наследием, тем более что там имеются факты и по твоему родному Полесью.

Однако когда я решил поддержать эту тему, то Володя вдруг другим, властным, голосом произнёс:

— Но дело сейчас не в этом! К вопросам, связанным с разбазариванием наследия нашего, мы обязательно вернёмся, когда победим всех врагов. А сейчас я хотел тебе рассказать то, чего никто не ведаёт.

Володя нажал несколько кнопок на столе, и просторный кабинет наполнила музыка, сразу устремившись ввысь, к трёхметровому потолку. Несколько рюмок выпили молча, а потом Володя начал говорить. В его словах чувствовались и некая натужность, и одновременно — облегчение.

— Ты сейчас станешь вторым, кто узнает подоплёку всей этой возни. Видишь ли, здесь, как всегда в запутанных ситуациях, «ищите женщину»!

Он опять подхватил рюмку с золотистой жидкостью обеими руками, и на этом фоне его седые пряди на голове смотрелись ещё более нелепо. Прокручивал рюмку в руках в такт музыке до тех пор, пока несколько капель не упали на стол. Механически смахнув их ладонью, Володя продолжал:

— Если бы ты не устроил мою личную жизнь, наверное, всё пошло бы по другому сценарию...

— Ну вот! И к этому, оказывается, я причастен?!

— Дело в том, что шеф действительно видел своим преемником только меня. Я не обольщаюсь, поскольку

приходилось бывать с ним в таких щекотливых ситуациях, куда людей случайных не допускают. И потом, дочь его...

— Да-да, я слышал, что это тот случай, когда яблоко далеко упало и закатилось...

— Не совсем так. Полина — такой же фанат музейного дела, как и отец, что её оправдывает. Диссертацию отец, конечно, помог сделать, но в остальном она — на своём месте. Тут дело в другом.

Володя залпом выпил и только тогда впервые внимательно посмотрел мне в глаза:

— Видишь ли, Анатолий Васильевич хотел, чтобы у нас что-то получилось, и всячески способствовал нашим с Полиной контактам. Вот после одной из корпоративных гулянок я и согрешил. Однако не спешил делать предложение, хотя у него, как классного стратега, уже сложилась комбинация: я женюсь на Полине; он передаёт директорство мне, а Полина становится заместителем по научной работе, то есть садится в моё нынешнее кресло.

— Да, я знал, что твой шеф — великий комбинатор, однако такую шахматную партию...

— Имей в виду, что с твоей помощью эта красивая партия разрушилась, когда я женился на Оксане.

— Вот сколько у меня грехов, оказывается!

— Конечно, ты не мог знать, чем всё кончится, когда знакомил меня с сестрой твоего соседа, которая случайно зашла в твою комнату, чтобы одолжить штопор. Вот с этим штопором я и живу уже два с лишним десятка лет...

— Я видел портрет дочери всесильного шефа и вполне понимаю твой выбор, хотя, конечно, так хочется, чтобы мои друзья выбились в начальство. Ходил бы я и хвастался фотографиями, где мы в обнимку, и все понимающе кивали: дескать, ты причастен к его успехам. А я многозначительно молчал бы...

— Да нет! Если директором станет Полина, то мне, скорее всего, придётся распрощаться не только с этим кабинетом, но и с музеем вообще...

Не дождавшись, пока я успею слепить какой-то вразумительный ответ, лишённый стандартного набора фраз, Володя резко поднялся:

— Идём, покажу своё хозяйство, пока я при ключах. Конечно, кое-что ты видел, когда у нас подрабатывал, но есть особые закуточки, где бывают только избранные.

Вспомнилось, как Володя подобрал меня, когда я вдруг оказался без работы. Он наделил меня непонятной должностью, благодаря которой я получил уникальную возможность постоянно наслаждаться не только самой экспозицией музея, но и тем, что остаётся в запасниках.

Демонстративно позвякивая внушительной связкой ключей, Володя прошёл через несколько залов картинной галереи, и по взглядам, сопровождающим его, было понятно, что напряжение в этом храме искусства достигло пределов.

Мы как раз проходили хозяйственный двор с многочисленными фрагментами скульптур, старинных столов, подрамников, когда Володя по-хозяйски произнёс:

— Да вот, свозят со всех свалок, а вовремя разобраться, что из этого представляет ценность, к сожалению, не успеваем.

Странное чувство меня одолевало, когда мы поднимались по старой лестнице, которая выглядела шикарно, хотя и не была реставрирована. В этой полутьме она меня поразила больше, чем официальные парадные лестницы, потому что было видно, как мало ног соприкоснулось с этими ступенями за несколько столетий.

— Да, тыходишь в число избранных, которые по ней прошлишь, — промолвил Володя в унисон моим мыслям каким-то не совсем своим голосом.

Скрип чердачной двери тоже показался довольно зловещим. Тонкие лучи света, пробивавшиеся из щелей, как бы обрамляли отдельные участки огромной территории чердака и создавали иллюзию специфических, полувиртуальных картин. В своих кривых солнечных рамах посредством неведомой мне ранее технологии все эти импровизированные

картины напоминали друг друга, поскольку сюжет был везде один: округлые холмы разной величины. И только когда глаза немного привыкли к темноте, я увидел, что эти холмики — это скульптурные головы. Их усатая сущность проявлялась то в колосьях, то на фоне книги, то в гордом одиночестве... Да, это было, казалось, безмерное пространство, заполненное скульптурами вождя — «отца народов», запечатлённого в бронзе, гипсе, металле...

— Да вот, собрали со всей области после двадцатого съезда. Так и командует здесь своими клонами уже которое десятилетие. Многие просили для коллекции или на переплавку — я отказал.

— А Победу тоже спрячете на чердак? — эта моя горько-пророческая фраза осталась без ответа.

Уже внизу Володя задумчиво проговорил, оглянувшись при этом:

— Пусть пока побудет. На всякий случай...

ОСЕННЯЯ МНОГОЛИКОСТЬ

*Ты многослойна, многолика,
Но проявлений этих ряд,
Скорее, есть собранье бликов
Тех, что остались с октября,*

*Когда ещё страдали цветом
Все наши мысли-миражи,
Когда отсутствие ответа
Давало шанс до завтра жить,*

*Когда предчувствие печали
Ещё не проявилось так,
Чтобы глаза, что цвета чая,
Вместо леченья — натошак.*

*Вот Новый год — часы без тика.
На цвет опять введён запрет.
Ты многослойна, многолика,
Но это было в октябре.*

2022

ГОРИЗОНТ

*На горизонте свет,
Окно моё в слезах,
И дождь его который день полощет,
И я прошу: ты с облачка слезай
И будь попроще.*

*Здесь ты былой,
И этот книжный пресс
Тебя заждался, притворясь гармошкой,
Но книга — как нательный крест —
Не понарошку.*

*В той книге стих
На автора похож,
Хотя чужому, видно, адресован.
А между строк передаётся грожь
В своей основе.*

*На снимке грусть,
Пронзившая века,
В каминном свете видится иначе...
Я понимаю: не твоя строка,
Ведь ты незрячий.*

2021

АВГУСТ

*Линяет август, пахнет потом,
Загаром, ранцем и тоской.
Небесно-тучная пехота
Таится в луже городской.*

*Линяет август. На излёте
Иллюзии весенних дней,
И женщина уже не против —
Тату на бронзовой спине.*

*Подчёркнуто роняя влагу,
На кепке пишет телефон
Не потому, что нет бумаги,
А просто — чувствам в унисон,*

*Как август этот выпивали,
Листали волны, словно дни,
Как наводнение проспали...
О Господи, соедини!*

*Тела, что в августе сложились,
И бледность поздних зимних снов,
Что ручейками сухожилий
Приходят снова...*

2021

